

Абузар БАГИРОВ,
доктор филологических наук,
профессор Университета МГИМО МИД РФ,
ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН

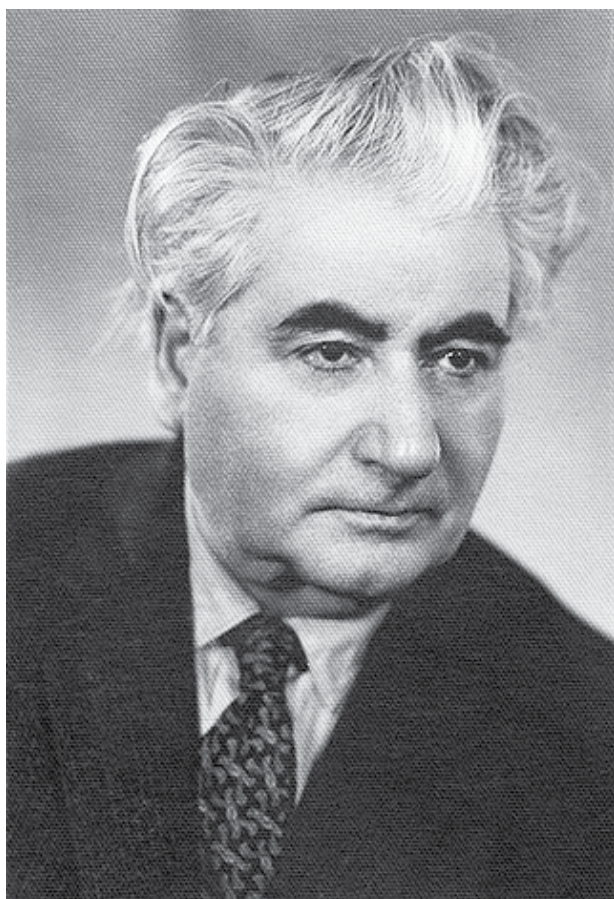
ОСНОВОПОЛОЖНИК СОВРЕМЕННОГО АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО РОМАНА

Главная миссия художественной литературы состоит в проповедовании общечеловеческих ценностей, гуманистических идей, добрых побуждений. Извечная борьба между злом и добром – всеобъемлющая моральная проблема в жизни человека на протяжении истории. Если в реальной жизни эта борьба ведётся сурово и подчас безжалостно, то художественная литература всег-

да вносила и вносит свои коррективы, смягчая жестокость и проповедуя основополагающие принципы мирного жития между людьми: любовь, сострадание, взаимопонимание, взаимопомощь, терпимость, толерантность...

В литературных кругах устоялось мнение, что независимо от тематики, каждый писатель в процессе работы использует как исходный художественный материал не только реальные события и сюжеты, отражающие его собственное мировоззрение, но и выдуманные. Иными словами, **в каждом произведении писатель отражает частицу собственного жизненного пути и духовного мира.** Именно на таком плодотворном синтезе реальных жизненных событий и писательских выдумок создано богатое **творческое наследие известного азербайджанского прозаика Абульгасана Алекберзаде.** В этом творческом сплаве возникает гармоничный симбиоз реального и ирреального создаёт нечто цельное, и его проза приобретает глубокий психологический ореол. Развитие сюжетной линии и мотивация взаимоотношений образов подвергаются скрупулёзно выверенному психологическому анализу. Абульгасан всегда писал только на такие темы, которые хорошо знал, в большинстве случаев был участником или непосредственным свидетелем описываемых событий, пропуская их через себя, искренне переживал вместе со своими литературными героями...

Алекберзаде Абульгасан Алибала оглу родился 12 марта 1904 года в селении Басгал Шамахинского уезда Бакинской губернии – ныне Исмаиллинского района Азербайджана в семье ткача. Четыре года проучился в сельской начальной школе, а затем из-за тяжёлого матери-

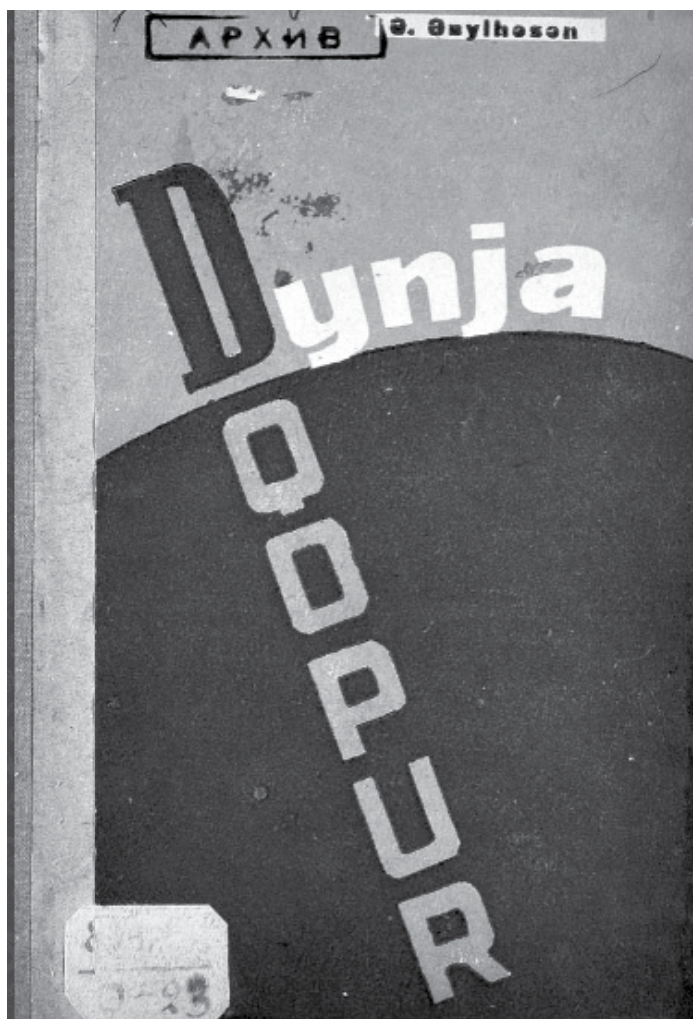

Абульгасан Алекберзаде

ального положения семьи вынужден был оставить учёбу, и устроился работать учеником портного. В 1921–1925 годы учился в Бакинской учительской семинарии, а в 1925–1927 годы преподавал в Дербентском педагогическом техникуме. В эти годы **Абульгасан начал писать стихи, статьи и маленькие лирические зарисовки. Его литературным дебютом стало стихотворение в прозе «Арестант» (1926)**, опубликованное в махачкалинском журнале «Маариф йолу» («Путь просвещения»). Первый рассказ молодого писателя – «Софи», напечатанный в бакинском журнале «Маариф ве меденийет» («Просвещение и культура») в 1927 году, сразу привлёк внимание читателей. **В первую книгу рассказов Абульгасана «Араз» (1930), выпущенную бакинским издательством «Азернешр»,** вошли произведения «Те, кто пишут для себя» (1928), «Убил» (1929), «Развелась», «Кебутар», «Араз», «Двадцать один» (1930) и др. В этих рассказах разрабатываются актуальные жизненные проблемы, своеобразно показаны внутренняя ломка и переживания героев в условиях нового социального строя. У Абульгасана быстро сформировался собственный стиль письма, ярко рисующий экспрессию душевного состояния художественных персонажей. Пристальное внимание писатель уделял внутреннему миру героя, задумывался над факторами формирования положительного характера современного человека, стремился к многогранному изображению духовного облика людей. Его рассказы отличаются реалистичностью и глубоким психологизмом.

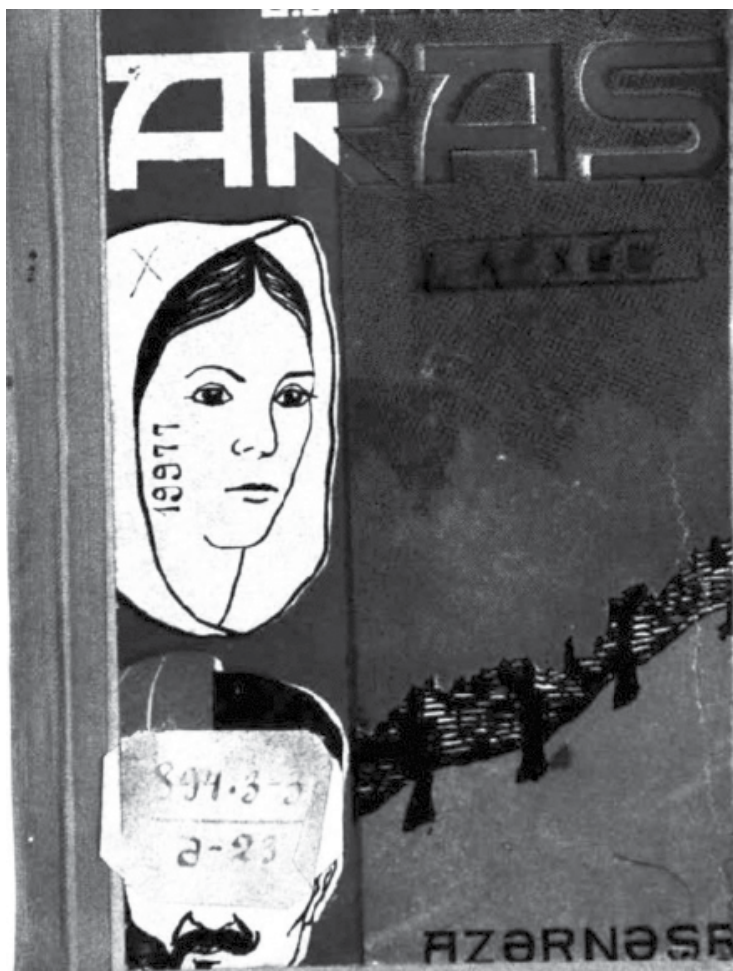
Абульгасан очень рано перешёл на крупноформатные прозаические жанры. **Выход первой книги романа «Подъёмы» в 1930 году принёс ему статус основоположника современного романа в азербайджанской литературе.** Свойственная природе художника способность впитывать в себя впечатления бытия в некотором роде трансформировалась в пытливую сосредоточенность взгляда писателя Абульгасана, устремлённого на те явления жизни, в которых кристаллизуется историческая новизна общества. Благодаря этому охват его наблюдений оказался очень широким. Все эти составляющие художественного мастерства и способствовали созданию трёх **интересных и полнокровных**

Лицевая обложка книги Абульгасана, изданной в 1933 году издательством «Азернешр»

романа, принёсшие ему имя признанного романиста в азербайджанской литературе: «Подъёмы» (1930, 1933, 1938, 1962), «Мир рушится» (1933, 1957, 1968), «Война – Бастионы дружбы» в четырёх книгах (1947, 1955, 1956, 1970). Мастерство Абульгасана-романиста заключалось в умении широко, многосторонне и убедительно изображать жизнь народа через судьбу конкретных персонажей, жизнь человека – через характерные детали и на фоне конкретных исторических условий. Важной чертой реализма произведений писателя является воспроизведение исторического и национального колорита. Он над своими романами работал годами – сокращал лишние подробности, мешающие логическому развитию магистральной сюжетной линии, неоднократно переписывал целые части, добавляя новые отрывки и главы, убирая невнятные места. Со временем писатель усиливал внимание к психологической характеристике

Лицевая обложка книги, изданной в 1930 году

главных и основных персонажей своих романов. На протяжении всей своей долгой творческой карьеры Абульгасан, этот выдающийся мастер психологической прозы и труженик, не раз и не два правил и перерабатывал свои объёмные произведения, добиваясь и достигая повышения их художественного уровня. Беглые наброски развернулись в красочные описания, мельком упомянутые факты переросли в события, язык стал сочнее, народнее, диалоги динамичнее, скупые упоминания о чувствах уступили место описанию душевных переживаний, безымянные персонажи обрели не только имя, но и реалистичные черты, а главные действующие лица, кроме типовых черт, стали обнаруживать индивидуальный характер. Достаточно заметить, что над каждым из вышеупомянутых романов автор работал более 30 лет, и, безусловно, итоговые варианты этих произведений существенно отличаются от первоначальных. Все три романа создавались на основе общепринятых европейских канонов, но **с широким привлечением элементов национального**

фольклора и использованием жанровых конструкций классической средневековой восточной литературы. Кропотливая многолетняя работа над романами стимулировала рост мастерства прозаика Абульгасана.

В 1928–1932 годы молодой писатель учился на филологическом факультете Азербайджанского педагогического института, а в 1934–1935 гг. был ответственным секретарём Гянджинского отделения Союза писателей Азербайджана. С 1935 по 1940 годы работал над второй книгой романа «Подъёмы», из которого были опубликованы лишь отдельные главы в литературной газете «Адабият» и в журнале «Ингилаб ве меденийет» («Революция и культура»). В 1934 году молодой прозаик был делегатом Первого Всесоюзного съезда советских писателей, проходившего в Москве, во главе с великим русским писателем А.М. Горьким (1868–1936).

В разные годы Абульгасан дважды занимал должность главного редактора литературно-художественного журнала «Азербайджан». Он был строгим и требовательным редактором, но в то же время трепетно относился к одарённой молодежи. Так, **Абульгасан сыграл немало-**

важную роль в литературном становлении выдающегося прозаика и талантливого драматурга Ильяса Эфендиева (1914–1996), положительно оценив его первый рассказ, содействовав изданию первого сборника молодого автора «Письма из села» (1939). Эта книга фактически стала для И. Эфендиева путёвкой в большую литературу. **В 1960 году Абульгасан опубликовал в декабрьском номере журнала «Азербайджан» рассказы нынешнего председателя Союза писателей Азербайджана Анара** (1938) «Последняя ночь уходящего года» и «В ожидании праздника», открыв перед ним дорогу в большую литературу. О доброте Абульгасана–редактора в литературных кругах Азербайджана до сих пор рассказывают разные истории...

Абульгасан сражался на фронтах Великой Отечественной войны, участвовал в обороне города Севастополя в должности командира стрелковой роты. Такие рассказы военных лет, как «Спой, соловей мой, спой!», «Трус», «Друзья», «Лейтенант Щербан», «Сыновья и отцы», «На берегу», вошли в

сборники «Крымские рассказы» (1943) и «Сыновья и отцы» (1944).

Повести Абульгасана «Пока не поздно», «Степнительный» и «Настырные люди» в своё время также привлекали внимание читателей и литературной общественности. В сатирической повести «Внуки старой Тамашы» (1957), посвящённой истории одного поколения, использован традиционный приём противопоставления света и тьмы и, при всей реалистичности главных персонажей и убедительности сюжета местами в ней сквозит навязчивый дидактизм, явная авторская пристрастность, прямолинейное указание на добро и зло. Несмотря на это, повесть была встречена литературной критикой доброжелательно; **отмечалось, что писатель на пути овладения новой тематикой достиг определённого успеха, виртуозно используя новые художественные средства.** Автор повести умело пользовался сатирическими и юмористическими приёмами, помогающими изображать сложный характер во всей яркости.

Народный писатель Азербайджана (1979) Абульгасан после длительного перерыва, **в 1979 году выпустил в бакинском издательстве «Язычы» свой очередной, компактный по объёму роман «Седагет» на современную тему.** В романе показаны будни виноградарей республики, их самоотверженный труд, и на этом фоне остро ставятся вопросы морали и ответственности. В центре внимания автора – люди активной жизненной позиции, честные и мужественные, противостоящие карьеристам, неприемлимые к обману и фальши. В романе семейно-бытовые, личные и общественные отношения органически переплетены, создавая реалистическую картину жизни азербайджанских сельчан и горожан эпохи социализма.

Видный романист Абульгасан Алекберзаде ушёл из жизни 20 мая 1986 году и по собственному завещанию был похоронен в родном селении Басгал Исмаиллинского района.

Проза Абульгасана воссоздаёт цельную и многогранную картину жизни советского Азербайджана, знакомит читателей с бытом, обычаями и традициями азербайджанского народа. Его произведения, следуя за ходом истории, изображают процесс, в котором социалистические идеи овладевали сознанием миллионов и претворялись в жизнь, осуществлялись идеалы и чаяния народа. **События и люди в творчестве прозаика отражают не только национальную почву**

и конкретные исторические условия, но и социальные процессы, вызванные новым социалистическим строем. В прозе писателя жизнь показана в её не эволюционном, а революционном развитии.

Творческое наследие Абульгасана для нас составляет ценность как историко-художественное свидетельство социалистической эпохи прошлого века, которая для Азербайджана продлилась более 70 лет. ✨

Литература

1. Очерк истории азербайджанской советской литературы. Ответственные редакторы З.С.Кедрина, Г.Б.Бабаев. Москва, изд-во АН СССР, 1963, 370 с.
2. Алекберзаде Абульгасан. Мир рушится. Перевод с азербайджанского Чингиза Гусейнова. Москва, «Известия», 1964. 352 с.
3. Azərbaycan sovet ədəbiyyatı tarixi iki cildə. Baş redaktor M.Arif; redaktor H.Babayev, Q.Qasimzadə, B.Nəbiyev. Bakı, AzSSR EA, 1967. I cild 636 s; II cild 499 s.
4. Мамед Ариф Дадашзаде. Азербайджанская литература. Учебное пособие для филологических факультетов университетов. Москва, «Высшая школа», 1979. 232 с.
5. Алекберзаде Абульгасан. Седагет. Авторизованный перевод с азерб. Марины Гусейновой. Москва, «Советский писатель», 1982. 183 с.
6. Teymur Əhmədov. XX əsr Azərbaycan yazıçıları: ensiklopedik məlumat kitabı. Bakı, "Nurlar", 2004. 984 s.
7. Салида Шарифова. Генезис азербайджанского романа. Жанровые характеристики романа-хекаята и «маленького романа». Москва, 2009. 208 с.
8. Vədirxan Əhmədov. XX əsr Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi (dərslik). Üç cildə. 2-ci cild. Bakı, "Apostrof" çap evi, 2010. 436 s.
9. Теория литературы. Произведение. Том II. Москва, ИМЛИ РАН, 2011. 376 с.
10. Эмин Эфендиев, Закира Алиева. Анар – жизненный путь, творчество. Книга первая. Био-библиографический справочник. Баку, «OSCAR», 2011. 608 с.

The article briefly describes the work of the prominent Azerbaijani prose writer of the 20th century and author of the novel genre in modern Azerbaijani literature, Abulhasan Alakbarzada.

СЕДАГАТ

Отрывок из романа

...Ахмед Нуриев на подобных межрайонных совещаниях бывал не раз: выступают, затем принимаются решения, составленные зачастую из общих фраз, говорят о новых повышенных обязательствах и расходятся по домам до следующего совещания, где о прежних обязательствах никто не вспоминает, или находятся объективные причины – засуха или обильные дожди. Новые речи, новые обязательства... Но на сей раз, работа пошла по новому руслу, и виноделов захватил стиль прямого, принципиального разговора, утвердившийся в эти годы в республике. И тон совещанию был задан выступлением именно Халыка Иманова, заведующего производственным отделом. Нет, это не было похоже на стихийный порыв: совещание готовилось тщательно, и все, зная об этом, с нетерпением ждали выступления Халыка Иманова. А он, как вышел на трибуну, тут же, без общих фраз, приступил к анализу положения дел в виноградарстве. О чём он только не говорил!.. И о резком падении процента сахара в винограде, и о низком качестве урожая... «Если я не прав, пусть меня поправят, – бросил он в зал. – Ну да, по количеству, казалось бы, претензий быть не может, но качество из года в год падает. И это в республике, которая славилась своим виноградом!» Возразить было нечем. Но Халык и на этом не остановился. Он коснулся и проблемы расширения площадей виноградников. «Это отраднo, что на десятки гектаров сверх предусмотренного планом расширяются участки, отводимые под виноград, причём за счёт оползневых земель. Площадь немалая, но чтобы освоить её, требуется прежде всего укрепить участки на берегу реки Айричай, подготовить почву под саженцы. «Правильно!» – крикнул с места Ахмед Нуриев. Но Халык Иманов и на этом своё выступление не закончил: чувствуя поддержку зала и убеждённый в своей правоте, он стал критиковать руководство треста и лично самого Рафиева за некомпетентное хозяйствование. «Я человек прямой, – закончил он, – и кривить душой не буду: чем скорее Рафиева освободят от занимаемой должности, тем лучше пойдёт работа в нашей виноградарской отрасли!»

Ахмед Нуриев и здесь был всецело согласен с Халыком. Он так и сказал с трибуны: «Халык Иманов прав во всём!»

Когда вышли на улицу из душного помещения, вдохнув полной грудью свежий воздух, принесён-

ный ветром с гор, Халык стал с жаром развивать свою мысль о том, каких успехов достигнет их район, если удастся осуществить планы расширения площадей под виноградники. Он говорил чуть приподнято, с воодушевлением, и шёл, взяв под руку Ахмеда Нуриева, понимая, что именно он, Ахмед Нуриев, поможет всё это воплотить в жизнь. «Да, да, только ты!» – убеждённо говорил он.

Халык Иманов решил возвратиться в район на совхозной машине Ахмеда Нуриева и упросил шофёра дать ему вести машину. И даже показал права на вождение. И Ахмед, и шофёр не могли отказать Халыку.

Поди знай, что уготовила им судьба! Да и, что греха таить, любят у нас лихую езду!

Халык вёл «Волгу» на большой скорости, как говорится, с ветерком. Быстрая езда доставляла ему удовольствие. Неожиданно переднюю правую покрывку пропорол гвоздь. Тут и произошло несчастье. Машину на полном ходу резко занесло в сторону и перевернуло. Мощный руль сплющил грудную клетку Халыка, осколки ветрового стекла изрешетили ему голову, лицо и руки. Всё произошло столь стремительно, что когда Ахмед Нуриев пришёл в себя, он сначала даже боли никакой не почувствовал, его ужаснул вид Халыка Иманова, со лба которого струйкой текла кровь. В тяжёлом состоянии Халыка доставили в больницу. Но сделать уже нельзя было ничего. Чрезмерная потеря крови и многочисленные внутренние кровоизлияния оборвали жизнь Халыка: он скончался, так и не приходя в сознание. В ту же районную больницу доставили и Ахмеда с тяжёлым переломом ноги и сломанными рёбрами. И только шофёр «Волги», сидевший на заднем сиденье, за спиной Халыка, отделался синяками, ушибами и царапинами. Ему угрожало судебное разбирательство: почему, спрашивали, разрешил Халыку сесть за руль?

Ахмед Нуриев пролежал в больнице больше двух месяцев. И теперь ходил с палкой, сильно припадая на правую ногу. Пока он лежал в больнице, шло следствие, проводились экспертизы. И его дважды допрашивали. Была установлена причина аварии. Но что толку – Халыка уже не было...

Быстро заживает у молодых, у пятидесятилетнего же Ахмеда сломанная нога срасталась мучительно долго. Из больницы врачи его выписали, но на работу выходить строго запретили.

И вот – он учится ходить с палкой, нога ноет, а на сердце не выразимая никакими словами боль

Лицевая обложка книги 1983 года издания

и пустота. Нелепость, несчастье – погиб человек молодой, здоровый, полный сил, надежд, планов. А он не протестовал, когда Халык гнал машину на недопустимой скорости, побоялся обидеть... И теперь мучиться ему всю жизнь.

Ещё две недели, живя в районном центре, Ахмед ходил в больницу на перевязки. Каждое посещение перевязочной изнуряло его. Но мучительные раздумья о непоправимой беде не оставляли Ахмеда даже ночью.

Когда в больнице Ахмед, придя в себя после наркоза, во время наложения гипса узнал, что Халык скончался, сердце сдавило спазмой, слёзы навернулись на глаза... Он дал себе слово осуществить то, что намеревался сделать Халык, чего бы это ему ни стоило, воплотить в жизнь мечты, помогать его семье, пока жив.

До него доносились слова: «Счастливчик! Повезло!» А иногда слышал другое: «Вот она, глупая смерть – молодого косит своей косой, а старого пощадила, не тронула!» Как ножом по сердцу эти слова: он и сам себя ежечасно казнит за нелепую смерть, как будто виноват.

Ни дня бы не ждал Ахмед – уехал бы в совхоз, но врачи упорно не соглашались на его отъезд. И хозяйева дома, в котором он жил, – родители совхозного агронома советовали не спешить с переездом в совхоз.

Странная выпала на долю Ахмеда Нуриева судьба.

Не год и не два он работал в сельскохозяйственном управлении в Баку, считался крупным специалистом по виноградарству. К его мнению прислушивались не только в республике, но и по всей стране. Его знали многие, но при всем при этом его обходили повышения и продвижения по службе. А только решат выдвинуть – и все документы подготовлены, – непременно возникнет непредвиденная заминка: то он где-то не то сказал, то ещё что-то. И кандидатуру Ахмеда Нуриева отводили до следующих вакансий, а там и надолго забывали о нём. Но Ахмед не унывал – ему и так

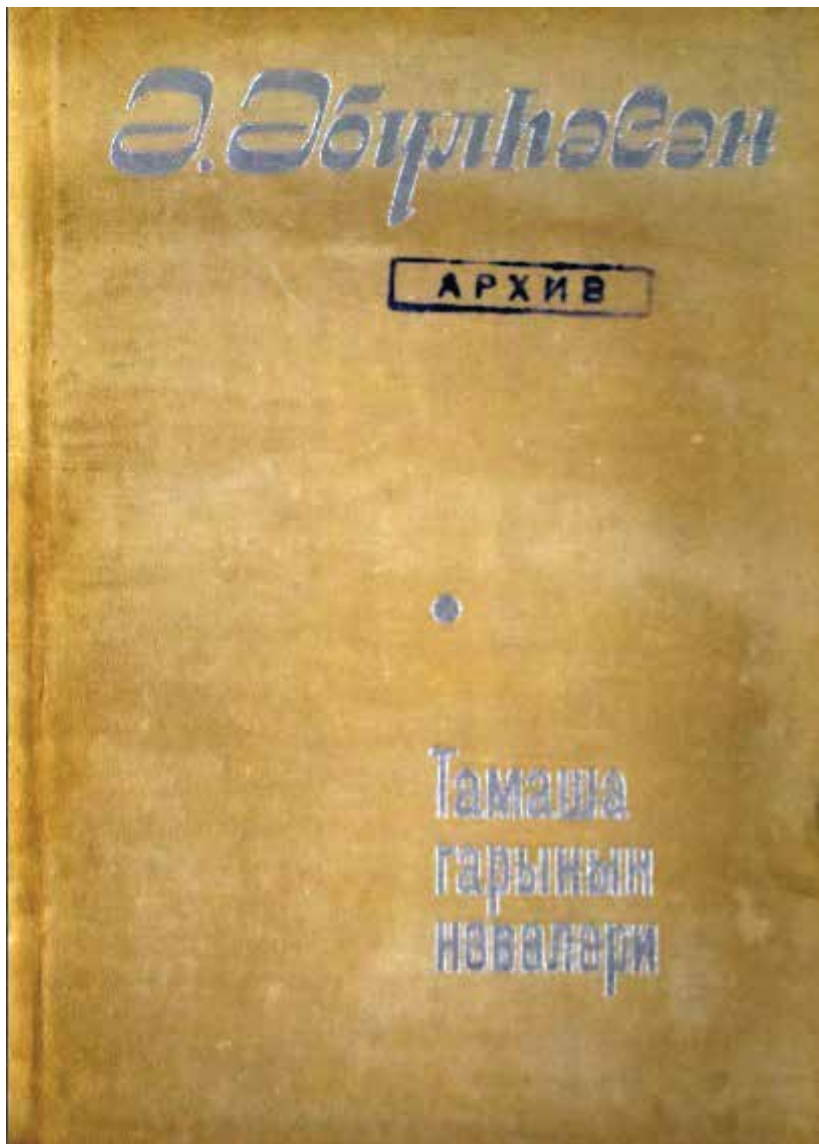
неплохо: своё дело знает, работу любит, чего же ещё?

Когда он переступил пятидесятилетний рубеж жизни, и вовсе отпали идеи насчёт его выдвижения. Недруги злорадствовали: «Да, стар уже!» И стали поговаривать о том, чтобы отправить его в район на «практическую работу», рядовым агрономом. Поначалу это были слухи, но потом они приобрели вполне реальные очертания. Ахмеду об этом даже намекнули: чего, мол, торчать в управлении, если никакого движения по службе?

За Ахмеда мог бы, конечно, заступиться или дать умный совет (а может, и куда повыше позвонить!) его друг Алигусейн Чайлыев, заведующий отделом в этом же управлении, но он находился в те дни в очередном отпуске – так совпало. И Ахмед, подумав, решил, что дело на самотёк пускать нельзя, он пойдёт к начальству на приём и вежливо,

Лицевая обложка книги, изданной в 1973 году

но твёрдо заявит, что посылать его в район агрономом, честно говоря, не по-хозяйски, и если начальство решилось на это, то он, Нуриев, уж как-нибудь сам найдёт для себя работу здесь, в Баку. Кому-кому, а Нуриеву не откажут в работе, на худой конец, пойдёт на преподавательскую работу! Или в сельскую газету (с ним часто советовались, когда шли материалы по виноградарству).

Начальнику главного сельскохозяйственного управления Рафиеву было за сорок (хотя выглядел на все пятьдесят!). Он окончил тот же институт, что и Нуриев, но на десять лет позже. Рафиев тут же принял Ахмеда - опасался, что тот пришёл скандалить, жаловаться, упрекать, но Ахмед был спокоен и невозмутим. Он сознательно шёл с Рафиевым на откровенный разговор и понимал, что это и есть лучший и быстрый путь к цели.

Рафиев поднялся из-за стола, обошёл его и сел на стул напротив Ахмеда. (Кто-то научил его, что это – свидетельство высшего класса руководителя, знак уважения к собеседнику.)

Ахмед изложил свои соображения насчёт сделанного ему предложения. Рафиев внимательно выслушал спокойные слова Нуриева. Он был готов к приходу Ахмеда и затеял длинную беседу, что называется, «по душам», это он любил иногда. Листая свой блокнот, он со ссылкой на какие-то научные труды говорил о влиянии возраста человека на занимаемую им должность, на перспективы его служебного роста, то понижая голос, то вдруг делая паузу, чтоб проверить силу своих слов.

– Ни хорошие, ни даже отличные показатели учёбы в вузе, – доверительно глядя на Нуриева, говорил Рафиев, – ни степень самоотдачи во время трудового процесса не имеют значения в деле дальнейшего продвижения по службе. Не так ли? Для взлёта всего этого недостаточно. Ты согласен? Требуются крепкая воля, азартность, умение гибко руководить людьми! Большому кораблю, как говорится, большое пла-

вание!.. Народ не зря придумал эту гениальную поговорку. Да, да!.. Умение руководить! Речь идёт о таланте руководителя, о мастерстве руководства! И это умение должно быть замечено в человеке с первых же шагов его служебной деятельности. Уже в юности человек должен уметь улавливать всякие веяния, обладать развитой интуицией. – Здесь Рафиев умолк и улыбнулся, а потом добавил: – В тебе, между прочим, эти качества были, и если говорить честно, именно они сделали тебя ведущим специалистом. Выдвинулся, а закрепить не смог... Это тоже таланта требует – суметь закрепить!.. Ты вдруг утратил чувство перспективы, а без него, как в тёмную ночь без фонарика! Хочешь знать, в чём это проявилось? Изволь. Ты стал спорить и конфликтовать с верхами! А тебе бы вначале осмотреться вокруг... Это была грубая

тактическая ошибка!.. Но если посмотреть на это другими глазами, и такое объяснение возможно, то вывод был бы несколько иной: не суждено было. Да, против судьбы не попрёшь! Что на лбу написано!.. Недаром так в старину говорили!.. Вот и не выдвинулся, застрял. А застряв, остановился! Надо найти в себе мужество, чтобы трезво оценить ситуацию. После пятидесяти... – Рафиев вздохнул и развёл руками: мол, тут уже поздно мечтать о чём-либо.

Ахмед Нуриев ни разу не прервал Рафиева, а теперь, когда тот умолк, ему и вовсе расхотелось что-либо говорить. Мало ли теперь ведётся таких разговоров! О перспективах, о таланте руководства, о масштабности. О верхах и низах. Когда заходит речь о мастерстве руководителя, каждый, кому не лень, и Рафиев тоже, то и дело оперируют словом «качество»: «качество руководства», «качество интуиции», «высокое качество предвидения». Интересно, почему тот же Рафиев, говоря о винограде, помнит только о количестве?.. «Стране нужно много винограда! Запомните: много! Сажайте везде, где только можно, перевыполняйте количественные показатели прежде всего!»

Ахмед прежде всегда спорил с Рафиевым, а сейчас молчал. Рафиев же не сводил глаз с Ахмеда: «Что-то не похоже на него, сидит и молчит». Впрочем, и Ахмед пылливо разглядывал Рафиева, смотрел на своего начальника так, будто видел его впервые в жизни: гладкий лоб, большие навывкате глаза с чуть желтоватыми белками, пористый мясистый нос и тонкие губы...

Рафиев затаился сигаретой, и лицо его окуталось белым табачным дымом. Словно он хотел этой густой дымовой завесой заслониться от изучающего взгляда Ахмеда. А ещё и дым пустил в его сторону – Ахмед закашлялся, на глазах выступили слёзы, и он полез в карман за носовым платком.

– Да, и заплачешь! – криво усмехнулся Рафиев. – А как же? Дитя не заплачет, мать не покормит, прекрасно сказано народом! Ничего не поделаешь, время такое. Ну что, прав я или нет? О карьере думать надо смолodu! Как твой подопечный Халык Иманов думает. И результаты налицо: сразу занял крупный, приличный пост заведующего отделом районного треста. – И уже с обидой добавил: – Но, к сожалению, зазнался, перестал считаться с нами. Рассказывали, даже критикует, неуважительно говорит о наших методах руководства, демагогические разговоры ведёт о качестве нашей продукции, о неудовлетворительном состоянии дел в управлении разглагольствует.

Тебе бы его наставить, как более молодого, но ты, вот беда-то, и этого не делаешь! А ведь мог бы на правах аксакала сказать ему, пожурить даже, если хочешь знать, предупредить, что не следует ему корчить из себя правдолюбца, когда я говорю о количественных показателях. Это ж демагогия! Не мешало бы ему прислушаться к тому, что говорят чуть выше сидящие!.. А не то, может случиться, заметим мы более подходящую кандидатуру на этот пост, ну, скажем, наперекор всем выдвинем тебя. Ты думаешь, это не под силу нам? Или кого другого из проверенных кадров. Приходил на днях один товарищ твоего возраста и рассказывал, что в юности скромным слыл, не умел подать себя начальству, вот, мол, почему и не смог выдвинуться. Такому бы ответить: раз ты в молодости не отличался сметливостью, то что с тебя взять в старости? Ступай, продолжай вкалывать на прежнем месте! Но ты-то, Ахмед, и в молодости гремел, и теперь ещё в соку... – Улыбка снова тронула его губы. – Да... Скромный, солидный ветеран... Знающий специалист... С тобой, конечно, поступили в своё время несправедливо. Тебе бы сейчас занимать по крайней мере министерский пост, и грудь твою украшали бы ордена и медали. А может, кто знает, и Звезду б на грудь, а? А чего ты достиг теперь? – Он поднялся, прошёлся по кабинету, остановился рядом с Ахмедом и дружелюбно похлопал его по плечу. – Ничего не достиг. Зато сын твой Аждар – парень что надо, не уступает тебе ни в умении, ни в знаниях. И опыт твой взял на вооружение. Хватит ему заниматься делами Абшеронского совхоза, пора переходить в главное управление. Поможем ему, выдвинем, а там как судьбе будет угодно. – Он убрал руку с плеча Ахмеда. – Эх, Ахмед Нуриевич!.. – вздохнул горестно. – Стареем мы с тобой... Кто из нас осмелится теперь ворваться с ходу в кабинет какого-нибудь крупного начальника, стукнуть кулаком по столу и потребовать высокой должности? Никто! Да... гвардия постарела!.. Эх, нам бы молодые годы вернуть... Ты же видишь, как бунтуют вчерашние юнцы: им подавай и должность, и приличный оклад!

Ахмед резко встал и взорвался:

– Да что ты заладил: должность да должность? Кто рвет у тебя из рук эту самую должность? – С этими словами он направился к двери. Рафиев перехватил его у самого выхода и начальственным жестом открыл настежь дверь: дескать, можешь убираться, разговор окончен и говорить больше не о чем.

– Скатертью дорога! И запомни: ещё не родился тот, кто бы мог силой выбить у меня что-нибудь! Когда надо, мы сами выдвигаем достойных людей. – А про себя думал: «Зря разоткровенничался и не в меру открылся. Такого разве надоумишь?»

Ахмед, глянув в упор на Рафиева, схватил тяжёлой рукой его за плечо и резко повернул к себе:

– Ты скажи лучше, подписан уже приказ о направлении меня агрономом в район или нет?!

– От секретарши Рафиева Ахмед знал, что проект приказа готов, Седагат успела предупредить. Теперь он хотел услышать это от Рафиева. – Ну, подписан или нет? – Казалось, вот-вот ударит его. «Псих! – подумал Рафиев и, достав из кармана платок, вытер выступивший на лбу пот. – Держит крепко за плечо и не отпускает!» Он тянул время, ибо приказ действительно был подписан. Но что-то сковало его, стыдно признаться, и он смалодушничал, не нашёл в себе силы сказать правду.

– Что ты?! За кого ты меня принимаешь?! Я ещё не потерял голову, чтобы такого специалиста, как ты, посылать простым агрономом. И хорошо, что пришёл, молодец, что не веришь глупым слухам, болтовне всякой, будто мы не знаем цену нашим кадрам! – Он снова прошёл за свой стол и бросил взгляд на какой-то список под стеклом. И тут его словно осенило: вот где Нуриев ломает себе шею! – Хотим послать тебя директором совхоза имени Сабира, это твой район, людей ты знаешь, земли тебе знакомы, увеличишь план, освоишь новые площади. Ну как? Доволен? Вижу, что это тебе по нутру! Что ж, тогда засучи рукава, как говорится, и за работу! – И добавил ворчливо: – Что, не веришь? Можешь спросить у Седагат. – А про себя он решил проверить Седагат: разболтала девчонка или нет о первоначальном приказе... Ох эти невидимые связи, ничего не утаишь! – Ну как, согласен? Если да, то немедленно подпишу приказ. Выезжай, как только сдашь дела. Ну? Говори же, что молчишь?

В тот же день Ахмед Нуриев начал оформлять документы. За несколько дней всё было готово к отъезду. Уезжал не один – вместе с ним отправилась и старая мать. Одно огорчало Ахмеда – не сумел проститься с Чайлыевым, который всё ещё был в отпуске.

И вот всего лишь через четыре месяца после неприятного разговора с Рафиевым и работы на новом месте случилось несчастье – погиб Халык. «Судьба смилостивилась надо мной», – подумал он, где-то в глубине души радуясь, что остался-таки жив.

Но даже вернувшись в совхоз, Ахмед должен будет по делам наезжать в районный центр, где неизбежны встречи со вдовой Халыка Иманова, придётся пить каплю за каплей яд её горьких слов. И всё потому, что он остался жить. Что ж, пить так пить! Обидно, конечно, когда ты в пятьдесят с небольшим – «старый хрыч», которому пора в могилу! Хотя до старости ещё далеко. И он докажет всем, что его рано хоронить, очень рано! Ему хотелось убедить вдову Халыка Набат, что зря она его проклинает... Но как подступиться к ней, когда она не владеет своими чувствами? И Рафиев увидит, на что он способен, Ахмед Нуриев, от своего он ни за что не отступится. Кто знает, может, потому и жив остался, чтобы сделать всё, что задумано Халыком Имановым и чему так упорно сопротивляется Рафиев.

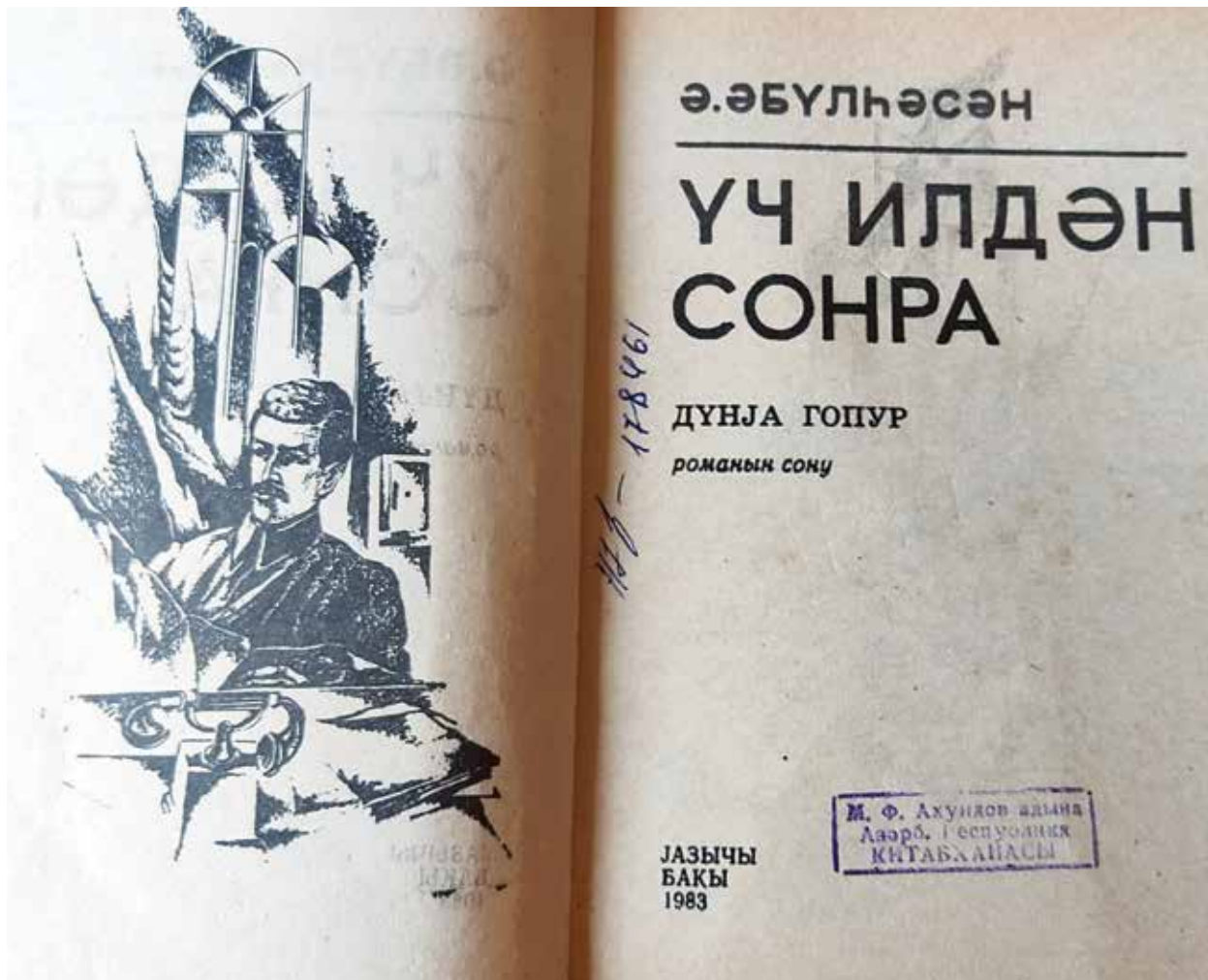
Много вечеров и ночей Халык и Ахмед провели в откровенных разговорах, делились своими планами, мечтами. Они понимали, что такие, как Рафиев, хотя и болтают об интересных делах, будут вставлять им палки в колёса. Теперь он за двоих. Да, он остался жить, чтобы бороться за себя и за своего друга.

Но это – потом... Ему необходимо окончательно выздороветь, раны ещё болят и мучают по ночам, освободиться от опостылевшей трости, твёрдо стоять на обеих ногах.

Снегопад прекратился, небо прояснилось. Ахмед решил, пока что ни с кем об этом не делаясь, отдать другу последний долг – привести в порядок могилу Халыка. Обустройство могилы, установка памятника – дело хлопотливое, тяжёлое, но хоть в этом он поможет семье погибшего. Нужно определить размеры надгробья и заказать камень в Баку, а потом договориться о пересылке его сюда. Всё это необходимо сделать именно сейчас, до отъезда в совхоз, причем сделать так, чтобы вдова покойного ни о чём не знала: разве Набат, чьи уста извергают ругательства и проклятия, подпустит его к могиле мужа?

А пока районное начальство и товарищи по работе настоятельно советовали Ахмеду взять месячный отпуск и уехать, так будет лучше и спокойнее для него. И Набат к тому времени уgomонится, успокоится, время залечит её душевные раны.

Всё у Ахмеда нескладно получается. На первое время они с матерью поселились у бригадира Кочари. Если бы Ахмед уехал на месяц в Баку, за ним могла бы ухаживать родная дочь Ширмаи. В своём доме и стены помогают, быстро встал бы на ноги. Но Ахмед рвался в совхоз. Да, совсем не-

складно! Семья разбрелась, и неясно, как её собрать. И главное – где? В совхозе бы, конечно! Но сам он в районе, а дети в Баку. На исходе февраль, самое время подготовительных работ в совхозе. Как он может уехать в отпуск? Ведь только при его непосредственном участии можно подготовить под посадки те сорок гектаров! Лишь грамотная обработка земли даст впоследствии то, что задумывали они с Халыком. Весенние работы требуют самого пристального его внимания, его постоянного присутствия в совхозе. Март на носу! Из совхоза нельзя отлучаться ни на час.

Оставались считанные дни, чтобы немного подлечиться. И непременно заказать надгробную плиту, это его долг перед памятью Халыка! Легко сказать – скрыть от Набат! До той поры, пока не будет готова плита, это нетрудно утаить, а потом? Ведь для работ на кладбище нужно время, а Набат что ни день – ходит на могилу мужа, в иные же дни, передавали ему, и дважды придёт туда. Придётся найти путь к её сердцу, без этого никак не обойтись. Но как? И кто б мог выступить в роли

посредника, способного успокоить бедную женщину, найти те нужные слова, которые рассеют её ненависть к Ахмеду.

Всю ночь Ахмед не мог уснуть. С неотвязными мыслями он вышел утром из дома и, тяжело опираясь на палку, медленно пошёл по улице. Ярко, по-весеннему светило солнце, под лучами которого снег слепил глаза, и неосознанную радость рождали запахи свежести, будто в дом внесли с мороза выстиранное бельё; воздух, казалось, был осязаем, проникал в лёгкие, дышалось легко, а повернёшься к солнцу спиной – и чувствуешь его тёплые лучи.

Ахмед направился к главной улице районного городка. На снегу чётко отпечатывались следы конских подков, ботинок, колёс машин и телег... Снег уже весенний, следы с сине-бурыми изломами, но сухой и скрипит под ногами.

Но приподнятое настроение держалось недолго – Ахмед быстро устал, и ноги уже с трудом несли тяжесть его крупного тела, стала вдруг нестерпимо ныть рана, и он старался не сильно припадать

Номер республиканской газеты «Совет кенди» с интервью Абульгасана

СОВЕТ КЭНДИ
29 АПРЕЛ 1978-чи йил

Азербайжан совет ияриини он йахиму муналариндан бири — Әбульгасанин «Дунја гоһур» романи бу сөзларда башланыр:

« — Бошевикләр, болшевикләр! Неч кәс билмәди ки, бу сөзләр кимин агзындан чыхды. Гуаглар шөләнди. Бир ан, кичи бир ан сөссиз, сәмирәз кечди.»

Санкити Чагъраглы Јохсуларынн урәкләриндән гоһат үмид сәси позур:

« Сабаһ доған күнәш бизим олачак! Анчаг бизим!»

Апарыгда әмоқдашымызын јазычы Әбульгәсән Әләкберәдә илә мусәһибәсини дәрч едиләр.

— Әбульгәсән муәллим, бу «сабаһы» — 1920-чи илдин 28 апрел күнүнү нечә хатырлајырсыныз?

— Биз гәсәбә чамааты илә бирлигдә көзәд бир баһар ахшамында гоһуч кәндән гәйбәтләрдән Бағсала (кечмин Шамакы гәсәсиндә гәсәбә) чатар-чатар болшевикләрин Азәрбајҗанда һакимијәти әлә адыглары хәбәрини ешитдик. Бу хәбәр јохсул муздулары на гәдәр севиндирдисә, гәсәбә варлыларыны бир о гәдәр сарыгды. Бағсалаын дарысгал күчләри пир үстүндән, сәјрдән гәйбәтләрдә долдурҗа.

лашыб сөһәт едән дишиләрин јанына гачыр, әһвалаты тәфәруаты илә өйрәнимәк истәјирдиләр. Гәсәбәнин бүтүн сәләрини вә һөјәтләрини әһәтәә алаң даш һасарларын үстүнә чыханлар да варды. Бүтүн бу сәс-күј ичәриндән јалныз бир чүмләнни ајдын ешитмәк олуру:

— Мусават јыхылды.

Һамы һөкүмә на исә бир шәјни олачағыны көзләјирди. Лакин нә олачагыды? Бу-ну һеч кәс билмирди. Кәндиләрин бу әһвали-руһијәсини «Дунја гоһур» романинын илк сәһифәләриндә әкс едирмәә чалышышам. Бу чәһәтдән орада тәсвир олуна һадисәләр тамамилә һәңигәтә ујғундур. Вејисин кечирдиги һөјәчән тәһидир:

аддымларындан, Јени чөмиј-јәт гуручулуғундан бәсә едән әсарләриндә сизә доғма олаи гәһрәманлар кимләрдир? Характерләриндәки һансы хүсусијәтләринә көрә онлары даһа чох севирсиниз?

— Јаратдығы сурәтләр мәним өвләдәримдән дәх-шысы да, писи дәр. Бу мәнә олаи гәһрәманларын һамысы мәнә доғмадыр. Амма онлардан икисини адыны хүсуси чөкмәк истәјирәм: «Дунја гоһур»да Вејисин вә «Јохушлар»да Гумрунун.

Вејисин бүтүн варлыгы илә ифрәт етдији итисмәр дунјасы дөврилди. Бақыда Совет һакимијәтинин гурул-масы хәбәри Чагъраглыны тәләтүмә көтиришидир. Јакин һеч бир ингилаби әһ-

Абшәронун Гөбу гәсәбәсиндәки орта әһәтдә фәни кәбнетәриндән тәһминәнчә истифадә олуна. Шәһидә шәһәрләрдән Дилбәр ҺУСЕЙНОВА, Тәрәнә ИСМАЈЛОВА чөғрәғи кәбнетиндә.

мүбариз, һәм дә чылғын мәһәббәтлә севән бир гәдәт кими охучулар да әзиздир. Онуң «чәһнәт бурдадыр, бу торпағдадыр. Анчаг буну тапмаг, һамының нәсиби ет-мәк үчүн икчә шәј ләзимдир; бу торпагы севмәк, бир дә шәрафли әмәк!» сөзләрини һөјәт дөвнә сөмнә, бу күнүн тарла гәһрәманларына сөзүмүз нәдир?

— Уғрунда вејисләрин, бүдәһләрин, гумруларын, бунјадларын мүбаризә апардығы, кәјән һачыјәвләр нәс-динин фашизмдән торудуғу социализм гурулушунун ин-

тимзини һөјәтиндә баш бер-миш кәјфијәт дәјишкисләр-ләринин иң иңасы олаң Јени Конституцијанын гоһуду гә-бими фәрәһлә долдур.

— Әбульгәсән муәллим, өнәвән бир суал: иңди һансы Јени әсәр үзәриндә ишә-јирсиниз?

— Мовзусуну Ленин алы-на тохумчулуг комбинатынын тарихиндән көтүрдүм «Үч ил сонра» ады романы (азы-рам. Әсәрдә 1920—1923-чү илләрдә фабрикоти јенидән гурулмасы илә өләдәдәр һадисәлери әкс етдирмәк, көр-көмли ингилабчылардан Чә-киз Илдарым вә Әһлибә-

Бајрам мүсаһибәси

О БАҺАР АХШАМЫ

на больную ногу. Ему казалось, что кости, только недавно сросшиеся, вот-вот переломятся. Но терпел. По пути здоровался с теми и теми знакомыми. Городок небольшой, все друг друга знают. Как и раньше, встречая его на улице, люди тактично избегали задавать лишние вопросы и вовсе не затевали двусмысленных разговоров типа «ты отделился лёгким испугом», или «Аллах смилосердился над тобой», а просто спрашивали о здоровье, радовались, что перешёл с костыля на трость. «Когда же бросишь наконец и трость?» – спросят, и не для того, чтобы затеять разговор, скажут и быстро пройдут мимо, не задерживая его ненужными расспросами.

Солнце поднималось, лучи его становились теплее, тонкий ледяной покров таял, и от земли шёл пар. Слышнее стал птичий щебет, на снегу чернели галки, важно вышагивали вороны, дерзко задрыв головы. Повсюду ощущался приход весны. Выросший в селе, Ахмед каждой клеткой впитывал в себя пробуждение природы, и то, что не виделось глазами и не слышалось ушами, угадывалось им интуитивно всем нутром. И это наполняло его жаждой жизни, желанием работать, верой в свои силы и возможности. Но ощущения эти жили в нём лишь несколько мгновений и улетучились. Больно кольнуло в груди: «Халык!» Неизбежность происходящего, невозможность вернуться назад, боль утраты и последствия беды пронзили

сознание Ахмеда. Он с трудом добрался до первой скамьи на улице и сел. Сердце учащённо билось, на лбу выступила испарина. Ахмед глубоко вздохнул... Да, для Халыка Иманова весна уже не наступит никогда. И Ахмед вспомнил, как Халык сокрушался за обедом, что им не удастся пропустить одну-две рюмки коньяку, очень уж хотелось ему сестры за руль! Да, уже никогда не выпить ему ни одной рюмки... А как радовался Халык возможности вести машину: «Не волнуйся, повезу как по маслу!» И уже в пути смеялся, шутил... Никогда больше не сядет Халык за руль... А жена и дети его навсегда лишились радости. Сыновья без отца... «Садись по-стариковски сзади, а я повезу как по маслу...» Ахмед никогда не забудет эти последние минуты... Может быть, если бы за рулём был кто-то другой, не произошла бы эта авария... «Не надо было мне разрешать, ах какая нелепость!.. И всё повернулось бы иначе!» Если бы... если бы... если бы... Но это случилось, и ничего не исправишь.

Кто-то подошёл к Ахмеду: «Вам плохо?» Потом другой голос: «А если вызвать такси? Или лучше «скорую»?»

Ахмед молчал, не в силах произнести ни слова. Навязчивые мысли и видения: молодое, энергичное лицо, умные глаза... Жизнелюбивый, напористый, весёлый человек. А как он выступал на совещании! Уверенно, остро, убедительно. Он ясно слышит голос Халыка: «Товарищ Рафиев в

очередной раз требует повесить план. Ради выполнения плана совхозы и колхозы вынуждены собирать и сдавать незрелый виноград. Отсюда и отвратительное качество вина. Все это знают, но молчат, чтоб не рассердить начальство. Нельзя с таким положением вещей мириться! Качество винограда – прежде всего! Увеличение плана должно идти за счёт освоения новых площадей, научно подготовленных плантаций, посадок самых сахаристых, быстросозревающих сортов винограда. Необходимо проводить культивацию пустырей, укреплять оползневые участки, бережно относиться к своей земле. Да, да, товарищи, нам на ней жить! Это наша родная земля, но её возможности тоже ограничены. Жалеть надо землю! Нужно освоить участки вдоль реки, они кажутся бросовыми, пока мы не приложили к ним руки. И посадки деревьев помогут снизить повышенную влажность почвы, укрепят верхний слой и тем самым сделают землю пригодной для виноградников!..»

Голос Халыка ещё звучал в ушах Ахмеда... И вдруг Ахмед увидел младшего сына Халыка, Яшара, тот шёл с портфелем в руке. Последние дни он не встречался Ахмеду. Сам мальчик объяснил, почему так редко бывает на улице: на днях должна отелиться корова, нельзя оставлять её без присмотра... Помощники у матери подрастают – мать на работе, а сыновья по очереди следят за хозяйством. Ядигяру всё же легче – он старший в семье. На густые кудрявые волосы Яшара натянута серая с большими краями и широким козырьком кепка, глаза грустные, настороженные.

– Яшар, – вдруг окликнул его Ахмед, чувствуя, что говорить трудно. – Ну как ваша корова? Кто сейчас дома?.. – И часто-часто задышал.

– Дядя Ахмед, что с вами? – не отвечая на его вопрос, взволнованно спросил мальчик, спеша к скамье, – Вам плохо? Вы так побледнели! Может быть, позвать врача?

– Спасибо, Яшар, не беспокойся, устал немного, силы... – попытался улыбнуться, – ещё не те... А как вы? Что у вас нового?

- Гость к нам приехал, дядя Ахмед.
- Кто же ваш гость?
- Родственник, из Баку приехал.
- Родственник? А как его зовут?
- Молла Сафи.

Ахмед задумался. Он хорошо знал Моллу Сафи, но с каких пор тот стал им родственником?.. Не раз встречался Ахмед с ним в Баку по разным пе-

чальным поводам. Этот человек обладал редким даром – умел успокоить близких умершего, и его охотно приглашали на поминки.

Ахмед искал посредника – вот кто нужен ему!..

– У Моллы Сафи густая чёрная борода. Верно я говорю?

– Да, дядя Ахмед. А вы его знаете? Он очень добрый человек, даже согласился присмотреть за нашей коровой, пока мама в детском саду, а мы с братом в школе.

– Кстати о школе... я тебя задержал, извини, Яшар. И торопись, а не то опоздаешь на занятия. А когда вернёшься домой, скажи Молле Сафи, что я прошу его увидеться со мной, пусть приходит к ресторану «Гёйгёл», я буду его ждать. Скажи, что дело важное; думаю, что мне не откажет... Только прошу тебя, Яшар: не говори маме о том, что я тебе сказал, она даже имени моего слышать не хочет, сам знаешь... А теперь иди, а то опоздаешь!

Яшар не уходил, пытаясь поглубже натянуть кепку на густые волосы, топтался на месте; чувствовалось, что он хочет что-то ещё сказать и не знает, как начать. А может быть, ему хотелось узнать, зачем Ахмеду нужен Молла Сафи?

И Ахмед решил сам прийти ему на помощь:

– Яшар, я хочу взять на себя устройство папиной могилы, заказать памятник, сделать ограду, но сам знаешь: мама мне не позволит ничего сделать. И я буду просить Моллу Сафи помочь мне найти дорогу к твоей маме, уговорить её.

– Хорошо, дядя Ахмед, будьте спокойны, я обязательно скажу Молле Сафи о вашей просьбе... А вы не обижайтесь, пожалуйста, на маму... Она всё время плачет, на нас тоже кричит. Тяжело нам без отца... Только Ядигяру иногда удаётся её успокоить, и то ненадолго.

– Я всё понимаю, дорогой мой Яшар. – Ахмед обнял мальчика за плечи. – Я всё-всё понимаю, в её горе никто и никакие слова не могут помочь и утешить. Только время успокоит её. Только и только время!.. И ты, и Ядигяр должны слушаться маму...

Яшар, низко опустив голову, пошёл по улице. Походка его была тяжёлой, медленной, словно у маленького старичка. У Ахмеда больно сжалось сердце: да, великое горе свалилось на семью друга!..

Авторизованный перевод с азербайджанского языка
Марины ГУСЕЙНОВОЙ